

«ГОВОРЯТ» ДЕКОРАЦИИ

...ШИРОКОЕ пространство сцены по диагонали пересекает шеренга острых, мерцающих граненой сталью штыков. Устремленные ввысь, они разрезают горизонт, словно прочерчивая к нему серебристую дорогу, словно указывая — вот он, путь в будущее, проложенный «штыками и картечью» революции. Штык, холодное и бесстрастное орудие войны, на наших глазах перевоплощается в образ совсем иного порядка, образ обобщенный, жизнеутверждающий. И кажется, что точнее передать героичку суровых революционных будней, найти для нее иное пластическое решение теперь уже невозможно.

...В Театре имени А. С. Пушкина комната художника В. Шапорина расположена над самой сценой. Она небольшая и до предела заполнена рисунками, чертежами, макетами давно идущих и только рождающихся спектаклей. Впрочем, здесь можно встретить книги и картины, не связанные непосредственно с театром. Сама профессия обязывает художника сцены многое знать, уметь анализировать и обобщать любые явления жизни, глубоко разбираться и в смежных искусствах, будь то литература, музыка или танец.

В этом смысле Василию Юрьевичу «повезло». Сын известного композитора народного артиста СССР Ю. А. Шапорина, он с детства приобщился к миру прекрасного. Большое влияние оказал на В. Шапорина и его «главный» учитель — как называет он известного театрального художника В. Дмитриева. Еще студентом Школы-студии МХАТа — В. Шапорин был в числе первых выпускников художест-

венно - постановочного факультета — по рекомендации В. Дмитриева он удачно дебютировал в спектакле Центрального детского театра «Кошкин дом». Начиная декоратор не раз наблюдал за работой своего учителя и навсегда усвоил принципы русской реалистической школы декоративного искусства.

Потому-то, видно, в спектаклях, оформленных Шапориным, так четко выявлен их русский колорит, «национальное пространство», как говорит сам художник. Однако не следует думать, что Шапорин работает в сугубо традиционной манере. Как мы уже убедились, автор оформления «Драматической песни» ищет и находит абсолютно современные по своей лаконичности, по экономности выразительных средств пластические решения. Шапорин нередко прибегает к чисто конструктивному изображению — ведь и в «Драматической песне», кроме штыков, на сцену встроены лишь высокий легкий мост, расширяющий пространство для актеров. Но к каким бы условным приемам художник ни обращался, он всегда стремится к главному — в обстановке спектакля раскрыть основную идею произведения, его философскую и психологическую сущность.

Конечно, каждый новый спектакль — это и новые поиски. Но «открытия» не приходят

неожиданно. Образные детали диктуют художнику сквозная тема пьесы, движение драматической мысли. Так были «найден» и штыки.

— Я понимал, — говорит Шапорин, — что сценический рассказ о Павке Корчагине и Николае Островском, об образах-символах, требует сегодня особой поэтизации — и романтической, и достоверной одновременно. Много думал. В набросках, как отражение эпохи, возникали то бесконечные пулеметные ленты, то телеграфные столбы, как бы стоящие по обочинам революционной дороги. И однажды, нарисовав такой столб, скрепленный внизу проводом с подпоркой, я вдруг мысленно увидел штык, острием повернутый к безбрежным просторам баеа...

Несомненно, что между создателями спектакля существовало то единое душе, без которого немислимо искусство театра. Эскиз Шапорина охотно принял постановщик спектакля народный артист СССР Б. Раевских. Вместе с ним и исполнителем главной роли заслуженным артистом РСФСР А. Локтевым за спектакль «Драматическая песня» Государственной премии удостоен и художник В. Шапорин.

А. КЛЕБАНСКАЯ.

8 FEB 1973

Л. П. КОСЫХ